

К ВОПРОСУ О ПОХОДЕ В СИБИРЬ ДРУЖИНЫ ЕРМАКА

В. И. Сергеев

История присоединения Сибири к России и, в частности, поход дружины Ермака более двух столетий служат предметом исследований. Однако до сих пор нет научно обоснованной хронологии и взаимосвязи происходивших при этом событий. Разнохарактерность и противоречивость источников дают повод для противоположных выводов и различной датировки основных вех похода. Об этом свидетельствуют работы Г. Ф. Миллера, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, Л. Н. Майкова, С. А. Андрианова и др.

Анализ материалов, освещающих деятельность Ермака в Сибири, был проделан в 90-х годах XIX в. А. А. Дмитриевым¹. В начале XX в. и в послереволюционный период поход Ермака в Сибирь исследовали С. Ф. Платонов, С. В. Бахрушин, А. И. Андреев, В. И. Огородников, А. А. Введенский и др. Выводы этих историков были частично проанализированы А. А. Введенским². До последнего времени ученые, рассматривая вопрос о присоединении Сибири к России и, в частности, о географических открытиях XVII в., вынуждены были оговариваться: «по Бахрушину», «по одной версии», «по другой версии», «большинство историков принимает» и т. д.³

В ряде последних исследований, посвященных истории похода Ермака, имеются явные ошибки. Так, Г. Красинский⁴ считает, что поход Ермака был совершен по указанию московского правительства, Строгановы же, снаряжая экспедицию, якобы лишь выполняли «сибирские директивы» Грозного. По мнению автора, волжские казаки направлялись Иваном IV, который якобы уже в 1574 г. «включил их (казаков) в свои сибирские планы». В 1581 г., утверждает Г. Красинский, казаки, разгромленные царскими же войсками, под руководством Ермака отправились на Урал⁵. Для доказательства своих выводов автор привлек, как он пишет, «официальные данные и достоверные записи того времени». Однако очень важный и в данном случае определяющий источник, а именно летописи, он не проанализировал и не использовал. Понятно, что при подобном подходе к документам невозможно выяснить подлинную хронологию событий.

С другой стороны, С. В. Бахрушин, исследовав сибирское летописание, высказал предположение, что вопрос о хронологии завоевания Сибири «вряд ли может быть решен на основании одних летописей с их условным расчетом времени»⁶. Мы не можем согласиться с такой точкой зре-

¹ См. А. А. Дмитриев. «Пермская старина». Вып. IV. Пермь. 1892, стр. 29—72 и др.; вып. V. Пермь. 1894, стр. 1—109.

² А. А. Введенский. Строгановы, Ермак и завоевание Сибири. «Исторический сборник», № 2. Киевский государственный университет имени Т. Г. Шевченко. Киев. 1949.

³ См. И. П. Магидович. Очерки по истории географических открытий. М. 1957, стр. 278—295.

⁴ Г. Красинский. Покорение Сибири и Иван Грозный. «Вопросы истории», 1947, № 3, стр. 80—99.

⁵ Там же, стр. 93, 94.

⁶ С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. I, ч. 3-я. М. 1955, стр. 39.

ния. На наш взгляд, именно летописи наиболее подробно, хотя и противоречиво, повествуют о событиях, связанных с походом Ермака. Официальные же документы лишь помогают исследователю внести те или иные дополнения и устранить путаницу, существующую в этих источниках.

В настоящей статье на основании изучения уже известных материалов, сопоставления летописных сведений с данными официальных и других документов и анализа совокупности имеющихся фактов мы попытаемся показать, в какой хронологической последовательности осуществлялся поход Ермака, осветить деятельность Ермака после завоевания столицы Сибирского ханства, его взаимоотношения со Строгановыми и Иваном IV.

Наиболее достоверным источником для изучения подготовки и начального этапа похода Ермака справедливо считается Строгановская летопись. Естественно, что исследователи приняли в основном ту хронологическую последовательность описания событий, которой придерживался составитель летописи. Так в литературе утвердилась неверная дата начала похода — 1 сентября 1581 года.

Как нам представляется, составитель летописи был поставлен в трудное положение одним из документов тех дней — отпиской чердынского воеводы В. Пелепелицына, на основании которой Строгановым была послана опальная грамота от 16 ноября 1582 года⁷. С одной стороны, многие хозяйственные документы архива Строгановых (они сохранились вплоть до 70-х годов XIX в. и были использованы В. Шишонко) говорили о том, что Ермак дважды побывал в Орле-городке ранее 1581 г., с другой — имелся документ о получении соратником Ермака Иваном Кольцовым боеприпасов, продовольствия и 300 воинских людей в 1582 году. Опальная грамота от 16 ноября давала основания для вывода о том, что экспедиция Ермака отправилась в «Семенов день» либо 1581, либо 1582 года. Не имея возможности обосновать достоверность одной из этих дат и, по-видимому, не желая противоречить царской грамоте, составитель оставил в летописи обе начальные даты.

Автор другой сибирской летописи, С. У. Ремезов, отверг начальную хронологию Строгановской летописи, будучи, по всей вероятности, убежденным в ее неточности. Однако при освещении последующих событий он использовал некоторые даты Строгановской летописи. Нужно подчеркнуть, что С. У. Ремезов в своей летописи игнорировал факты, указывавшие на связь Ермака со Строгановыми. В данном случае он следовал за дьяком тобольского архиепископа Саввой Есиповым, который преднамеренно устранил фамилию Строгановых из Есиповской летописи при описании похода, чтобы возвести «патрона» сибирской епархии⁸. Это внесло дополнительные трудности в изучение причин организации экспедиции Ермака.

Особенностью сибирских летописей, повествующих о походе, является известная точность приводимых в ней дат месяцев и дней и полная путаница в годах. Вот почему большое значение для установления правильной хронологии имеет исходный год отсчета месяцев и дней. К сожалению, он не установлен. Анализируя ранние сибирские летописи и сравнивая Синодик, составленный в 1622 г. по распоряжению тобольского архиепископа Киприана, с Есиповской летописью, написанной в 1636 г., С. В. Бахрушин высказал предположение, что не 1581, а 1580 г. нужно считать датой прихода Ермака в Сибирь⁹. Однако он не обосновал новую хронологию и в своих последующих работах по-прежнему считал, что поход начался в 1581 году¹⁰.

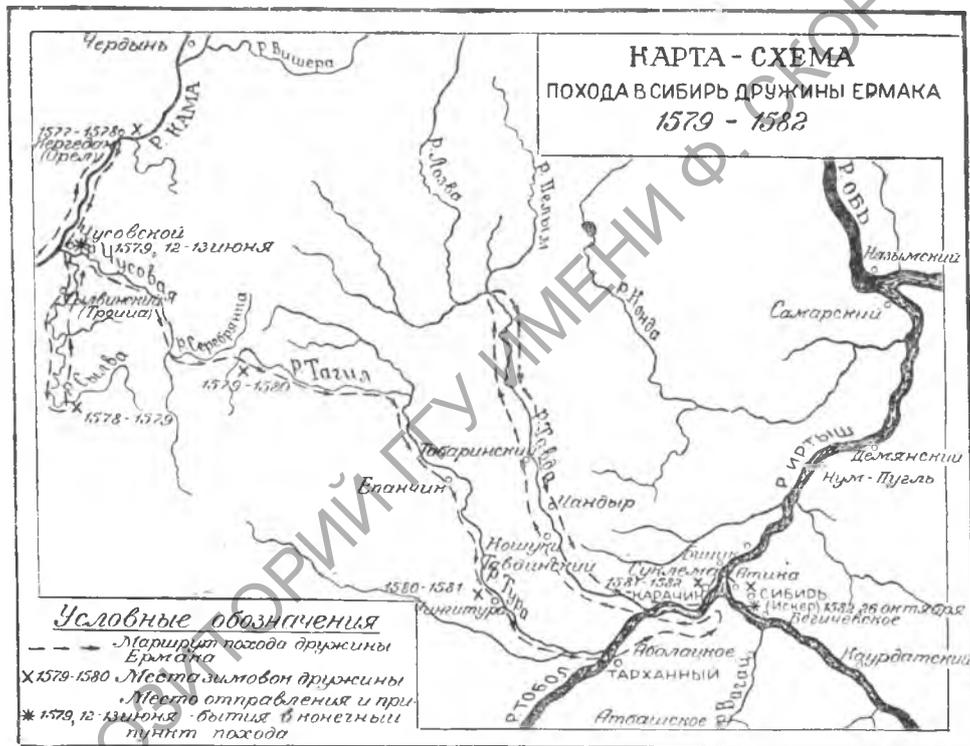
⁷ См. Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. I. М.-Л. 1937. Приложения, стр. 340.

⁸ См. С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. I, ч. 1-я. М. 1955, стр. 29.

⁹ С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 1-я, стр. 38.

¹⁰ См. «История СССР». Т. I. М. 1948, стр. 345; С. В. Бахрушин. Научные труды. Т. III, ч. 1-я, стр. 126.

Изучая подготовку и первый этап похода, А. А. Введенский¹¹ вслед за А. А. Дмитриевым отметил одно странное обстоятельство. Согласно Строгановской летописи, набег Бегбелия — мурзы чусовских манси — на Чусовской городок и слободки Строгановых начался примерно за 5 недель до нападения пелымского князька Кихека на Чердынь и пермские вотчины Строгановых; набег же Кихека датируется 1 сентября 1581 года. Получается, что дружина Ермака выступила из Орла-городка на Каме в день нападения на него Кихека. Таким образом, либо Кихек успел затем осадить Чусовской городок, соединившись с чусовскими манси прежде, чем туда подошла дружина Ермака, либо Ермак выступил из Чусовского городка вскоре после нападения Бегбелия, люди которого затем присоединились к рати Кихека. При этом нет каких-либо достоверных свидетельств о столкновении Ермака с Бегбелием по пути следования дружины к Чусовскому городку из Орла-городка (см. схему).

Чтобы привести в соответствие общепринятую начальную дату похода (1 сентября 1581 г.) с событиями в Чусовском городке и на Каме, А. А. Введенский вслед за А. А. Дмитриевым утверждал, что «Строгановская летопись неправильно датирует набег мурзы Бегбелия 1581 годом», и предложил свою датировку — 1580 год¹². Между тем имеется официальное подтверждение правильности летописных сведений о набегах Бегбелия и Кихека. В челобитной Семена и Максима Строгановых, приведенной в грамоте, отправленной из Москвы еще 6 ноября 1581 г., отмечается, что «в прошлом де в 89 [1581] году... их слободки [на Чусовой] воевали чусовские вогуличи... а в нынешнем де в 90 [1581] году о Семене дни (1 сентября), те же вогуличи приходили на их же слободки войною

¹¹ А. А. Введенский. Указ. соч., стр. 29; А. А. Дмитриев. «Пермская старина». Вып. V, стр. 142—143

¹² Там же.

с Пелымским князем... а ныне деи Пелымский князь с вогуличи стоит ратью под Чусовским острогом»¹³.

Текст этой грамоты опровергает поправку, внесенную в хронологию А. А. Введенским вслед за А. А. Дмитриевым.

Как уже отмечалось, датой начала похода Строгановская летопись называет 1 сентября 1581 года. В летописи приводится и источник этих сведений — несколько измененный текст опальной грамоты Строгановым от 16 ноября 1582 г., в которой без указания года отмечается факт отправки в Сибирь 1 сентября дружины Ермака и добавляется (со слов отписки чердынского воеводы): «...а в тот же день, собрався Пелымский князь (Кихек.— В. С.) с сибирскими людьми и с вогуличи, приходил войною на наши Пермские места»¹⁴. Обнаруживается странное несоответствие в хронологии событий. Если верить сообщению летописи, дружина Ермака выступила в поход 1 сентября 1581 г., так как «в тот же день» совершил нападение пелымский князь Кихек, на что точно указывает текст челобитной Строгановых. Если же Кихек напал на Орел-городок в 90 (1581) г. «о Семене дни», тогда Бегбелий, согласно той же челобитной, напал «в прошлом [по сентябрьскому летосчислению] 89 (1581) году 21 июля». Но при такой последовательности событий, хотя она и подтверждается официальными документами, выступление Ермака 1 сентября 1581 г. оказывается невозможным. Кстати, если согласиться с мнением Г. Ф. Миллера, которое находит сторонников и в наше время¹⁵, о том, что дружина Ермака отправилась в Сибирь из Орла-городка, то окажется, что она следовала вниз по Каме и вверх по Чусовой одновременно с Кихеком, спешившим навстречу Бегбелию. Остается из трех взаимно связанных дат либо принять за начало экспедиции Ермака 1 сентября 1581 г. и соответственно с этим менять две в одинаковой степени достоверные даты, либо — и это на наш взгляд единственно правильно — отказаться от датировки начала похода 1 сентября 1581 года. Составленная в дни нападения пелымского князя Кихека («ныне... стоит ратью под Чусовским острогом») челобитная Семена и Максима Строгановых должна быть признана более точной в освещении событий 1581 г., чем отписка Пелепелицына. Недостоверность грамоты, основанной на отписке чердынского воеводы, еще в 1939 г. отмечал А. И. Андреев¹⁶.

Авторы летописных сводов, составленных много позднее описываемых событий, располагали протографами сибирских летописей, частично сохранившимися документами и устными преданиями, в которых содержались самые разнохарактерные сведения. При этом каждый из составителей самостоятельно обрабатывал материалы (как это сделал, например, автор Строгановской летописи с опальной грамотой 1582 г.), по-своему осмысливал факты, стараясь придать им определенную хронологическую последовательность. Однако отрывочность данных не позволяла им точно воссоздать последовательный ход событий. Неизбежны были домыслы и, следовательно, путаница в хронологии. Из разбросанных в летописях противоречивых сведений наиболее достоверными, как нам кажется, являются даты, которые указывают на день, месяц и год. В случае упоминания только дня и месяца «летописцы» должны были обращаться к более древним документам, составленным современниками событий. У составителей сибирских летописей, надо полагать, не было оснований указывать произвольные даты, особенно чисел дней и месяцев. Внешнее несоответ-

¹³ «Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею» (ДАИ). Т. I. СПб. 1846, стр. 182, № 126. См. также грамоту от 20 декабря 1581 г., опубликованную А. А. Введенским («Торговый дом XVI—XVII веков». Л. 1924, стр. 62).

¹⁴ Г. Ф. Миллер. Указ. соч. Т. I. Приложения, стр. 342.

¹⁵ Там же, стр. 212; Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 15, стр. 529, карта похода Ермака 1581—1584 годов.

¹⁶ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII века. Л. 1939, стр. 134.

ствии таких дат по годам требует лишь установления взаимосвязи и последовательности событий, описываемых в сибирских летописях. Рассыпанные в их текстах крупницы различных достоверных материалов, проанализированные с учетом сохранившихся официальных документов, а также ранних летописей типа «Сказания» или «Краткой, сибирской Кунгурской летописи», по нашему мнению, позволяют воссоздать правильную хронологию событий похода дружины Ермака.

Разрыв ханом Кучумом даннических отношений с Россией в 1571 г., разгром ратных людей воеводы А. Лыченицына в 1572 г., участвовавшие нападения на Пермские земли и убийство Маметкулом русского посланника Чебукова в 1573 г.¹⁷ — все эти факторы побудили московское правительство распространить на Западную Сибирь ту же систему утверждения центральной власти, которая сложилась в Предуралье. Эта система состояла в том, что огромные территории отдавались «на льготные годы» купцам-промышленникам, какими являлись, в частности, Строгановы. В том факте, сообщенном Строгановыми, что сын Кучума Маметкул¹⁸ во время своего нападения выспрашивал, «куда идти ратью в Пермь», московское правительство усмотрело реальную угрозу своим пермским владениям. В марте 1574 г. Яков и Григорий Строгановы были вызваны для личных объяснений в Александровскую слободу¹⁹. 30 мая того же года им была дана жалованная грамота на 20 льготных лет, разрешавшая завоевание Сибири: на Тоболе, Иртыше, Оби и других реках, «где пригодится для береженья и охочим на опочив, крепости делати и сторожей с вогняным нарядом держати»²⁰.

Строгановы, имевшие торговые отношения с Астраханью, несомненно, были в курсе происходивших в то время на Волге событий; их связь с Ермаком, атаманом волжских казаков, ныне не вызывает сомнений. Нам представляется вряд ли правильным мнение ряда историков о том, что многочисленная казацкая дружина по своей инициативе могла отправиться на завоевание сибирских земель именно после того, как Строгановы получили грамоту на эти земли, к тому же еще и принудить Строгановых экипировать отряд Ермака.

С другой стороны, еще в грамоте о переводе пермских городков Строгановых в опричину в 1566 г. указывалось: «Как отойдут наши урочные лета (1558—1578 гг.— В. С.) по нашим жалованным грамотам лгото, и чем вас наши писцы опишут и оброк наш на вас писцы положат, и вы бы те все ваши оброки возили к нам на Москву»²¹. Окончание льготных лет ускорило подготовку Строгановых к завоеванию новых земель в Зауралье. Угроза вторжений, подобных нападению Маметкула в 1573 г., также побуждала их заняться обеспечением безопасности своих чудовских и камских владений. Царской грамотой от 6 августа 1572 г. Строгановым было разрешено призывать к себе на службу казаков²².

Составитель Пермской летописи В. Шишонко, в распоряжении которого находились ныне утраченные документы, упоминает о том, что после получения жалованной грамоты в 1574 г. Строгановы послали «на реку Волгу из вернейших дому своего служителей..., чтоб они пристойным об-

¹⁷ «Собрание государственных грамот и договоров». Ч. II, № 42. М. 1819. стр. 52; «Древняя Российская вивлиофика». Ч. III, 2-е изд. М. 1778, стр. 104; Г. Ф. Миллер. Указ. соч. Т. I. Приложения, стр. 339.

¹⁸ «Маметкул — Кучума царя сын». См. «Сибирские летописи». СПб. 1907, стр. 53, 139, 323.

¹⁹ См. А. А. Дмитриев. «Пермская старина». Вып. VI. Пермь. 1895. Приложения, стр. 133.

²⁰ См. Г. Ф. Миллер. Указ. соч. Т. I. Приложения, стр. 340.

²¹ ДАИ. Т. I, стр. 172.

²² Там же. стр. 175, № 120.

разом могли найти случай видеться с атаманом... Ермаком Тимофеевым и желание их, Строгановых, ему открыти,— чтоб он Ермак с товарищи, отложив всякую мнимую себе от Строгановых опасность и подозрение, надежно б следовал к ним в верх реки Камы, ...и тем бы своим к ним прибытием устрашил соседственных их неприятелей, которые грозят их новонаселенным местам разорением»²³. Это сообщение летописец помещает под рубрикой «1578 и 1579 годы». Однако далее в летописи обнаруживается противоречие в хронологии. Так, например, по поводу прибытия Ермака с казаками В. Шишонко приводит такую выписку из неизвестного документа: «...В скором времени собрался он, Ермак с товарищи, в 7086 г. в верх Волгою и Камою, в легких стругах, до Орла-городка, в известном числе казаков, в самом уже рек заморозе и прибыл» (разрядка моя.— В. С.). 7086 г. по сентябрьскому летосчислению «в самом уже рек заморозе», то есть после 1 сентября, может быть лишь 1577 годом.

Весной 1577 г. «по первой полой воде», как сообщает строгановский летописец, Строгановы направили на Волгу «вернейших дому служителей». Осенью 1577 г. Ермак с частью дружины прибыл в Кергедан (Орел-городок). Той же осенью, 8 сентября и 5 ноября 1577 г., скончались Яков и Григорий Строгановы²⁴. У их наследников оказались другие планы, и Ермак с небольшим отрядом возвратился на Волгу. Как видим, Яков и Григорий Строгановы успели только в известной мере начать подготовку к завоеванию зауральских земель. Среди их наследников — Семена (младший брат), Максима (сын Якова) и Никиты (сын Григория) — начался разлад, приведший к разделу имущества. Первая «запись о полюбовном разделе» между Семеном и Максимом, с одной стороны, и Никитой — с другой, датирована 6 декабря 1577 года²⁵. Причина раздела очевидна: Семен и Максим стремились продолжить подготовку экспедиции; Никита, владения которого менее всего угрожали набеги из Сибири, не соглашался с их планами. Семен и Максим Строгановы заключили между собой соглашение и отправили Ермака на Волгу собирать новую партию казаков для большого похода. К весне 1578 г. дружина в 1 000 казаков²⁶ была готова к выступлению с Волги.

25 марта 1578 г. истек срок льготных лет на земельные владения Строгановых по Каме и Чусовой²⁷. К Строгановым прибыл Иван Яхонтов с помощником для составления «книги сошного письма». Все это вынуждало Строгановых ускорить реализацию льготных прав на новые зауральские земли. 28 июня, а точнее июля, 1578 г., как значится в разночтении Строгановской летописи, дружина во главе с Ермаком вновь прибыла в Орел-городок²⁸. Чтобы «устрашить соседственных неприятелей», решено было совершить пробный поход в верховья р. Сылвы в направлении на р. Кунгур. (Этот поход не укладывается в традиционные хронологические рамки процесса завоевания Сибири, поэтому исследователи, как правило, не рассматривают его.) Такого рода походы разрешала Строгановым грамота от 6 августа 1572 года. Поход дал возможность сплотить дружину, проверить ее боевые качества в новых для казаков условиях, а также получить путем военного грабежа дополнительные средства для предполагаемого большого выступления.

²³ В. Шишонко. Пермская летопись. 1-й период. Пермь. 1881, стр. 74.

²⁴ См. А. А. Дмитриев. «Пермская старина». Вып. VI. Приложение. Выписки из сольвычегодского синодика Строгановых, стр. 175—176.

²⁵ А. А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 95.

²⁶ «Сибирские летописи», стр. 314, 317.

²⁷ См. Г. Ф. Миллер. Указ. соч. Т. I. Приложения, стр. 332—337.

²⁸ Кроме вышеприведенной выписки из летописи В. Шишонко (осень 1577 г.— время прибытия дружины в Орел-городок), 1578 г. как дату выступления Ермака из Орла-городка подтверждает Кунгурский летописец своими указаниями на время основания часовни в месте зимовки в верховьях Сылвы и на время отправления «по Чусовой вверх до Тагильского волока» (см. «Сибирские летописи», стр. 314)

Действительно, 1 сентября, но только 1578 г. дружинники отправились из Орла-городка вниз по Каме до устья Чусовой и далее вверх по Чусовой до устья Сылвы. 26 сентября, как отмечает автор Кунгурской летописи, они «погребли по Сылве вверх и в замороз дошли до урочища Ермакова городища, ныне словет, и... по-за Камени вогуличь воевали и обогатели, а хлебом кормились от Максима Строганова. И в поход ходиша на Вогуличей 300 человек, и возвратишася з богатством в дома своя и на подъяем в Сибирь (разрядка моя.— В. С.), и к тому приправиша вдоволь легких стругов с припасы»²⁹. В Чусовском городке также заготавливалось военное снаряжение и припасы для похода в Сибирь.

9 мая 1579 г. (согласно Кунгурской летописи) казаки Ермака «дошли обещанием часовню» на месте зимовки, где некоторые из них «вечно оселишася». Ермак же с дружинниками, спустившись по Сылве в Чусовской городок, «с усть Чусовой, взявши у Максима Строганова запас... в 87-м [1579] году июня в 12 день поидоша по Чусовой вверх до Тагильского волока з боем». Возможно, что многочисленная дружина Ермака выступила в поход двумя отрядами. По-видимому, именно этим и объясняется содержащееся в другом месте Кунгурской летописи сообщение о выступлении в поход 13 июня (1579 г.)³⁰.

В летописях можно найти разные сведения о численности дружины Ермака: 540, 3 тыс. и даже 5 тыс. казаков³¹. Говорится также о количестве людей Строгановых, пополнивших отряд: 154 и 300 человек³². Принятые в современной литературе данные о численности дружины — 840 человек — являются произвольной суммой первоначального числа дружинников — 540 — с числом приданных ей Строгановыми воинских людей — 300 человек. Цифра «5 000», впервые упомянутая в Ремезовской летописи, говорит о размерах взятых дружиной запасов («на проем 5 000 человеком») и указывает лишь на то, что эти запасы были очень велики³³. Далее в летописи упоминается уже только о 3 тыс. участников похода, но тут же отмечается, что после первой зимовки в урочище Абугая в дружине насчитывалось только 1 636 человек³⁴. Данные о гибели большого числа казаков и возвращении части дружинников в самом начале похода ни в одном источнике больше не встречаются. Описывая следующую зимовку — в Чинге-Туре, летописец сообщает о гибели казаков от «болезни чрева» и цинги, а также о том, что в устье Туры после второй зимовки прибыло 1 060 казаков. Последние две цифры, приводимые С. У. Ремезовым в тексте летописи, представляются нам наиболее достоверными. Если учесть неизбежные потери во время перехода через Уральские горы (в летописях упоминается о гибели «вожей» — проводников), то можно допустить, что первоначально дружина, выступившая в Сибирский поход, насчитывала примерно 1 650 человек. Известные нам источники не объясняют, каким образом появилось число «540» в качестве численности первоначального состава дружины. Но, учитывая свидетельство летописи В. Шишонко о приходе Ермака в Орел-городок осенью 1577 г. «с известным числом казаков», можно предположить, что в первый раз туда прибыла дружина в 540 чел., а в июле 1578 г. Ермак привел на Каму еще не менее тысячи человек.

Ремезовская летопись сообщает нам о структуре дружины и ее руководителях: «Было у Ермака два сверсника: Иван Кольцов, Иван Гроза; Богдан Брызга и выборных есаулов 4 человека, тож и полковых пи-

²⁹ Там же, стр. 313.

³⁰ Там же, стр. 315.

³¹ См. летописное «Сказание Сибирской земли». А. А. Дмитриев. «Пермская старина». Вып. V. Приложения, стр. 214; «Сибирские летописи», стр. 10.

³² См. «Сибирские летописи», стр. 10, 123, 275, 314, 317.

³³ Там же, стр. 314.

³⁴ Там же, стр. 317.

сарей»³⁵ (разрядка и пунктуация моя.— В. С.). На основании этих данных можно подсчитать численность дружины. Если каждый из пяти полковых есаулов командовал тремя сотнями (в царских стрелецких полках того времени было по пяти сотен), то и получится вместе с людьми Строгановых около 1 650 человек³⁶. Дружина состояла из 5 полков, по три сотни каждый, причем в одном из полков, видимо, наиболее близком к атаману, был назначенный, а не выборный есаул — Богдан Брызга. В каждой сотне имелись сотник, два пятидесятника и десятичники. Во главе дружины стояли атаман Ермак и два его заместителя — «сверсника» (Иван Кольцов и Иван Гроза). При каждом полку были «полковые писари, трубачи, сурначи» и т. д. В дружине поддерживалась строгая дисциплина: «...указ на преступление чинили жгутами, а хто подумает ототти от них (во время похода.— В. С.) и изменить, не хотя быти, и тому по донски: насыпав песку в пазуху и посадя в мешок, в воду. И тем у Ермака все укрепились». Еще в период первого похода в 1578 г., по свидетельству Кунгурского летописца, «болши 20 человек с песком и камением в Сылве угружены»³⁷. В. Шишонко сообщает, что после переговоров со Строгановыми (видимо, еще в 1577 г.— В. С.) «Ермак сие, слышанное от Строгановых, со всяким обстоятельством, объявил, и требовал от них (казаков.— В. С.) единогласного желания»³⁸. Точно так же казаков с ясаком из Сибири Ермак отправлял «по совету с дружиною единомысленною»³⁹. Эти факты и ряд других свидетельствуют о том, что общие дела в дружине решались казачьим кругом.

Вверх по Чусовой до Тагильского волока Ермак уже шел «з боем», казаки, потеряв «вожей зырян», проследовали выше устья Серебрянки, претерпев при этом «многие мешкоты в повороте, до самой осени». Возвратившись наконец к устью реки и поднявшись затем в ее верховья, они оставили здесь тяжелые суда, а легкие струги перетащили волоком на р. Тагил.

Задержка в устье Серебрянки дала некоторым исследователям повод утверждать, что дружина случайно повернула с Чусовой на р. Сылву еще осенью 1578 года. Это предположение неверно, так как Чусовской городок находился в 15 км от устья Сылвы, и поэтому даже отсутствие проводников не могло привести дружину к потере ориентации еще в пределах владений Строгановых. В крайнем случае казаки могли ошибочно пройти вверх по Сылве немногим менее 30 км, до Сылвенской слободы (ныне с. Троица) — владения Максима Строганова (см. схему). Эту слободу описывал в 1578 г. Иван Яхонтов⁴⁰.

Наиболее подробно, но без обоснованной хронологии сибирский поход Ермака освещен в Ремезовской летописи. Путаница в датах по годам и отсутствие в летописи указания на время начала похода позволили исследователям строить самые различные хронологические схемы начального этапа освоения Сибири. Ниже мы попытаемся заново прочесть Ремезовскую летопись и обосновать хронологию похода, учитывая при этом достоверность приведенных в ее тексте чисел дней и месяцев⁴¹.

На Тагильском волоке «на Бую городище» Ермак перезимовал. После ряда противоречивых, путаных сведений о датах событий С. У. Ремезов возвращается к последовательному изложению: «И приехав на стан Тагила реки в урочище речки Абугая в лето 7088 [осенью в 1579]

³⁵ Там же, стр. 316.

³⁶ Возможно, С. У. Ремезов допускал, что один из «сверсников» Ермака также командовал «полком», каждый полк состоял из пяти сотен, и отсюда выводилось общее количество (6 полков по 5 сотен) — 3 тыс. казаков в дружине.

³⁷ См. «Сибирские летописи», стр. 337.

³⁸ В. Шишонко. Пермская летопись. 1-й период, стр. 78.

³⁹ См. «Сибирские летописи», стр. 316.

⁴⁰ А. А. Дмитриев. «Пермская старина». Вып. I. Пермь. 1889, стр. 115.

⁴¹ В дальнейшем события похода излагаются в основном по Ремезовской летописи.

году... и ту плениша многих вогулич улусы ..овии же добровольно покоришася до Тавды, и воеваша во всю зиму Пелымские уезды до весны» (ст. 12).

1 мая 1580 г. «пришедши водополюю» и дружина «с Ермаком 1 636 человек» спустилась на стругах вниз по Тагилу и Туре «до первого князя Епанчи». В трехдневном бою казаки разбили «невоистых» людей Епанчи и, продвигаясь «неспешно» вниз по Туре, воевали все лето. 1 августа они заняли Чинги-Туру, «царя Чингыза убиша и многие припасы и богатства взяши и ту зимоваша» (ст. 15). Весной 1581 г., несмотря на потери от цинги и «недуга чрева», как только установился «путь струговой» (9 мая 1580—1581 г.), казаки поплыли «вниз по Туре со всяким искусом неспешно» (ст. 35). Незадолго до этого плавания к Ермаку привели задержанного в Тарханном порубежном (Сибирского ханства) городке дворецкого Кучума — Кутагая — сборщика ясака. Ермак наградил Кутагая и отпустил его, передав с ним Кучуму дары. Кутагаю была продемонстрирована стрельба пяти казаков из пищалей. Слух о «чудодейственной» силе «огненных невидимых стрел» и о личной доброте и справедливости Ермака широко распространялся, опережая дружинников. Отбив нападение кучумлян у устья Туры, 8 июня 1581 г. 1 060 казаков отправились вниз по Тоболу (ст. 36). После многодневного сражения у Березового яра они достигли 29 июня Караульного яра, где река сужается между крутых берегов, «кучумляне же оградиша [реку] через цепи железными», чтобы удержать все струги и побить казаков. В трехдневной битве казаки одержали победу и проплыли узкое место, прикрываясь «таловыми кустами» (ст. 38). Добравшись до устья Тавды, они неделю стояли, решая вопрос о возможности возвращения через земли манси «вспять по Тавде вверх и через Камень». Эти колебания свидетельствовали о трудном положении в дружине. В ходе длительных и упорных боев дружинники израсходовали большую часть боеприпасов. 8 июля в Баба-санах кучумляне попытались разгромить дружину по частям, напали на ее передовый караульный струг, но получили отпор. Тогда 21 июля царевич Маметкул, возглавив рать кучумлян, «сразишася нещадно и за руки взяшася, тако секущеся, яко конем по чрево бродити в крови их... и бишася 5 дней стояще, не пропусая стругом вниз» (ст. 43). Казаки вышли победителями и в этом сражении, однако, проплыв вниз до конца Долгого яра, где были уже на рассвете 26 июля (вероятно, плыли лишь несколько часов), они увидели бесчисленное множество кучумлян, «стояще, ждуще приходу Ермака; казацы ж вси убояшася и присташа к острову выше Яру, размыслиша» (ст. 44). Здесь дружинники окончательно убедились в том, что дальнейшее их наступление из-за недостатка боеприпасов невозможно.

1 августа 1581 г., как сообщает Ремезовская летопись, казаки вновь «восхотеша возвратиться вспять в Русь и погребоша вверх по Тавде, воюя с устья вверх обои Красноярскую и Калымскую волости» (ст. 49). На этот раз, как говорится в Кунгурской летописи, они не пошли на Карачин-городок. Скорее всего дружинники поплыли с острова выше Долгого яра под прикрытием берега вверх к устью Тавды. Они могли обеспечить себя продовольствием в Сибирском ханстве, но не имели возможности пополнить боевые припасы. За этими припасами и возвращались к Строгановым казаки, взяв с собой, несомненно, большое количество мехов. Ермак проявлял уже большую осторожность, продвигаясь вверх по Тавде. Так, 6 августа он допрашивал первого же задержанного в Кошуну есаула Ичимка: «Есть ли боевые люди?» Казаки явно спешили; у городка Табаринца Бия после боя «Ермак не остановился долго и воротятся за ясаком (не стал.— В. С.); что мимоходом урвал, то и наша добыча». Поднявшись по реке до Пелымского княжества, «казаки по допросам» выяснили, что «за Камень в Русь» пути нет. Начиналась осень, и дружина не решилась совершить переход через Уральские горы. Ка-

заки приняли другой план. 4 октября они отправились вниз по Тавде. 8 ноября дружинники «град Карачин взяша и в нем бесчисленное богатство, злата и серебра и камня драгого и жемчугу и меду довольно и скота» (ст. 53).

Напуганный победами казаков, Кучум не предпринимал активных действий против Ермака, но «по всем дорогам до Карачина караулы несводные поставил, чтобы никто от казаков ни птицею мимо их не пролетел, мнєв: зряще твердость, казаки возвратятся в Русь, яко бояшєся многосильства, и множицею подзираше казаков, чтобы убити, и како живут крепцы, и видевшие на пути отъезжей казачей караул... бояшєся их» (ст. 54).

Однако, перезимовав в Карачине-городке, Ермак не тронулся отсюда и летом 1582 года. Это вынужденное почти годовое бездельное пребывание казаков, учитывая и неудавшуюся попытку перейти через Камень Тавдинским путем, можно объяснить лишь тем, что часть дружины по пути ее первоначального следования была послана за припасами. Захватив в Карачине «бесчисленное богатство», присоединив к нему и собранный ясак (мягкую рухлядь), Ермак еще осенью же «волчєю дорогою, нартами и лыжи на оленях» отправил своего «сверсника» Ивана Кольцова с отрядом к Строгановым. Возможно, именно в этот приезд на Чусовую (а не в начале сборов, как предполагает С. У. Ремезов) Иван Кольцов потребовал от Максима Строганова «по имяном на всякого человека по 3 фунта муки ржаной, по пуду сухарей...» (ст. 7). Упоминание в данном случае в летописи только имени Ивана Кольцова позволяет предположить, что этот факт относится ко времени прибытия отряда казаков за дополнительными боеприпасами и продовольствием. После того как царской грамотой в декабре 1581 г. было подтверждено право Строгановых набирать воинских людей, они в 1582 г. отправили к Ермаку с Иваном Кольцовым 300 человек⁴².

Судя по документам, до 1582 г. Строгановы умалчивали о походе дружины Ермака в Сибирь. Когда 1 сентября 1578 г. казаки выступили вниз по Каме из Орла-городка, находившегося в 160 км от Чердыни, чердынским воеводам этот поход не остался неизвестным. Но они могли установить лишь факт отправки казаков в верховья Сылвы. О выступлении из Чусовского городка весной 1579 г. в Чердыни, несомненно, не знали, так как эти события происходили в крайней юго-восточной части огромных владений Строгановых, куда власть чердынских воевод до 1579 г., по существу, не распространялась. Лишь весной 1582 г., после того как пополненный служилыми людьми Строгановых отряд Ивана Кольцова спешно выступил в обратный путь, Строгановы перестали скрывать посылку Ермака в Сибирь. Более того, в Орле-городке, на железодельном заводе, находившемся в совместном владении трех братьев, по распоряжению Максима Строганова была отлита пища с надписью: «В граде Кергедане на реце Каме дарю я, Максим Яковлев сын Строганов, атаману Ермаку лета 7 090», то есть в 1582 году⁴³.

Вскоре о сибирском походе стало известно В. Пелепелицыну. Срок его воеводства приближался к концу, и он не преминул в своем толковании сообщить в Казанский приказ о походе: в «Семенов день», то есть 1 сентября 1578 г., отправился Ермак из Орла-городка; в «Семенов» же день, в 1581 г., напал на Чердынь пелымский князь Кихек. Видимо, считая важным прежде всего взаимную обусловленность этих явлений, В. Пелепелицын преднамеренно соединил их во времени.

В том же 1581 г., в начале лета, как свидетельствует составитель «Нового летописца», волжские казаки напали на иранских послов. Нападение было приписано Ермаку, за что его вместе с дружинниками при-

⁴² А. А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII веков, стр. 62.

⁴³ См. А. А. Дмитриев. «Пермская старина». Вып. V, стр. 145.

числили к «воровским» казакам⁴⁴. В этих условиях в ответ на отписку В. Пелепелицына 16 ноября 1582 г. и была направлена опальная грамота Максиму и Семену Строгановым. Им предписывалось «тех казаков, Ермака с товарищи», разделив, отправить в Пермь и Усолье Камское, откуда они должны были вместе с посланными из Москвы ратными людьми под командой Воина Оничкова и Ивана Глухова «воевать с весны остяков и вогуличей — сибирских людей». Заканчивалась грамота грозным предупреждением: «А не вышлите из острогов своих в Пермь волжских казаков, атамана Ермака Тимофеева с товарищи, а учнете их держать у себя... и нам в том на вас опала своя положить болячая, а атаманов и казаков, которые слушали вас и вам служили, а нашу землю выдали, велим перевешати»⁴⁵.

До прибытия Ивана Кольцова с подкреплением и боеприпасами Ермак находился «в Карачинском городке... сентября до 14 дня» (1582 г.), после чего «пустишася по явлению (Ивана Кольцова с боевыми припасами и подмогой.— В. С.) на град Кучумов» (ст. 58). Несмотря на огромное скопление «кучумовых воев», казаки из устья Тобола, прикрываясь правым берегом, погребли вверх по Иртышу, «взяша городок Атика и со всем имением своим убрашася в городок к осаду и тоя ноци все безо сна пребываша в великом размышлении». На казачьем кругу некоторые изъявили желание «бежати в Русь», другие говорили, что и на Волге «умрети хотяще, единодушно хотяще (то есть там принимали единодушное решение.— В. С.), и многие умираше; ныне же камо (когда) идем, яко зима близ» (ст. 59). В это время Атинский городок «вокруг облежаша множество кучумлян». 1 октября 1582 г. казаки «изыдоша с кучумляны на брань до засеки в стругах и ту приступиша крепко, бияхуся с самем Кучумом, хотяще взяти Чувашский град на горе Чувашской и ту засяти на зиму, да «пробудем в сидении сохранно, яко крепок бе Чувашский град окопми. И того дня бишася, и невредимы... вспять в Атинский городок возвратишася» (ст. 61).

Несколько дней казаки безуспешно подступали к засеке Чувашского городка. 23 октября началось упорное трехдневное сражение. Кучумляне в этом сражении, кроме копий, луков и сабель, имели «2 пушки», но казаки повредили эти пушки, и они были сброшены с горы в Иртыш. В результате первого дня сражения «низовые остяки князьки от Кучумова повеления и рамену отступиша и бегу яшася безвозвратно бежати во свояси» (ст. 65). А через день, 25 октября, «вечеру бывшу, тако же и вогуличи тайно от заступления Кучумова убогоша во своя жилища» (ст. 67).

В ночь на 26 октября Кучум покинул поле боя и, увидев «царства своего конечное лишение и разорение всем, бежал из града своего Кашлыка, еже Сибирь зовома» (ст. 68). Ханское войско было разгромлено. Казаки отошли с поля битвы за реку «и обночеваша со стражею», а 26 октября 1582 г. «внидоша во град в Сибирь и увидев оставшегося имения и богатства множество и хлеба» (ст. 70).

Через четыре дня демьянский князь Бояр «со многими дары прииде к Ермаку», а затем «начаша приходитьи всегда во близу живущие татарова с женами и с детьми». Ермак, «чесне жалуюя», разрешал всем возвращаться в свои дома и жить, «яко же жиша при Кучуме». Казаки безбоязненно отправлялись на промыслы и «по жильям татарским». Однако 5 ноября, по свидетельству Ремезовской летописи, царевич Маметкул ночью напал на отряд спавших казаков, уехавших на Абалацкое озеро ловить рыбу. Только один из них спасся, он-то и «возвестил Ермаку, яко избиени умроша» (ст. 72). На Шаншинском урочище Ермак нагнал Маметкула и перебил многих его воинов. Казаки, погибшие на Абалацком озере, были похоронены на Саусканском мысу. «Се первое

⁴⁴ «Новый летописец». Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 14, ч. 1-я. СПб. 1910, стр. 33.

⁴⁵ ДАИ. Т. I, стр. 185.

убиение казаком в Сибири» (ст. 81). Кучум не появлялся поблизости: в своей борьбе против Ермака он не мог опереться на окрестное оседлое население, большая часть которого перешла на сторону казаков. 6 декабря князцы Яскалбинских заболотных волостей Ишбердей и Суклем «со многими дары и ясаком и потребным запасом поклонишася Ермаку и дружине его». Ишбердей и в дальнейшем служил Ермаку, «и на немирных казаком вождь изрядной был и верен велми».

22 декабря «по совету Ермака з дружиной» отряд казаков вновь отправился из Сибири во владения Строгановых «волчьей дорогою, нартами, лыжи на оленях», теперь уже без Ивана Кольцова. Сопровождал их «Ишбердей со своими вогуличи в Великую Пермь». Трудно предположить, что именно в это время (как утверждает Ремезовская летопись) было написано послание Ермака к царю. Вряд ли Ермак мог обратиться непосредственно к Ивану IV, в обход Строгановых, которые снарядили экспедицию. По-видимому, отряд казаков, посланных Ермаком, отправился вновь к Строгановым, которые как раз получили грозную опальную грамоту от 16 ноября 1582 г., предписывавшую дружине осуществить по приказу царя то, что ею уже было выполнено по поручению Строгановых. Поэтому последние послали казаков к Ивану IV с отпиской и привезенным от Ермака ясаком. Этим и закончилось активное вмешательство Строгановых в дело покорения Сибири.

В 1583 г. продолжалось успешное завоевание княжеств манси, хантов и татарских улусов, теперь уже проводившееся под непосредственным наблюдением московского правительства.

20 февраля ближний мурза Секбахта Тагин сообщил Ермаку, что на Вагае в Куларове в 100 верстах от Кашлыка стоит царевич Маметкул со своими воинами. 60 казаков отправились тотчас же в указанное место, разгромили спавших кучумлян «и царевича жива в шатре взяша и з богатством приведоша к Ермаку во град» Сибирь (Кашлык) 28 февраля 1583 года. 1 марта «аки пернат прилетел» к Ермаку «верный человек... принесе от государя радостные и похвальные грамоты Ермаку и атаманам 5 човекам и прочей дружине» (ст. 86).

После возвращения посланных к Строгановым казаков «с государевым жалованием» завоевание сибирских земель продолжалось еще энергичнее. С 5 марта по 29 мая 1583 г. Богдан Брязга с пятьюдесятью казаками повоёвал «княжцов» до устья Иртыша, облагая покоренных князьков «государевым ясаком». В течение лета Ермак с частью дружины дважды ходил в поход для сбора ясака. 21 ноября «послал Ермак к Москве царевича Маметкула и собранный ясак» в сопровождении казаков (ст. 92). В это время на Кучума пошел войной князь бухарской земли Сейдяк Бекбулатов — племянник убитого Кучумом сибирского хана Едигера. Кучум вынужден был спастись в Барабинских степях и кочевать «меж Тары, Барабы и Оми».

10 мая 1584 г. из Москвы в Сибирь «Волгою и через волок» был отправлен отряд в 500 человек под командой Семена Болховского и Ивана Глухова с тем, чтобы принять «под государеву руку» Сибирь, завоеванную Ермаком. Спешно собранный отряд для сибирских условий был плохо экипирован, что сразу же сказалось на продовольственном положении как прибывших в Кашлык 2 ноября служилых людей, так и казаков Ермака. Последний, видимо рассчитывая на продовольствие из царской казны, собирал ясак лишь пушниной.

Казаки и служилые люди всю зиму жестоко голодали «яко понудитися и тела человеческие ясти». Во время голода 12 марта 1585 г. Карача «со многими вой» обложил город «обозами и табары» и держал осаду «до пролетия» (до приближения лета) и многую «гибельную поруху казакон понесе гибельно» (ст. 94). Только 9 мая казаки под предводительством Ермака «изыдоша из града тайно и дошедши ко станом Карачи-

ным и нападаюша на них ношию... и 2 сына Карачных убиша, овии жь врознь разбегошася и Карача с тремя человеки за озеро убежал» (ст. 95). Карача пытался вторично собрать силы, чтобы напасть на вышедших из города казаков, но безуспешно. Вскоре после этого казаки начали собирать ясак продовольствием и «от гладу насытишася». Тогда же, видимо, Ермак послал в Москву за помощью.

В ночь на 6 августа 1585 г. Ермак погиб вместе с небольшим отрядом. Удалось спастись лишь одному казаку, который и принес в Кашлык печальную весть. Еще раньше, зимой, от голода умерли «многие воеводы», в том числе и Семен Болховский. Казаки и служилые люди, остававшиеся в Кашлыке, не решились зимовать в Сибири. «Седоша в струги своя августа в 15 день и погребоша вниз по Обе... и через Камень приидоша в Русь на свои жилища, град же [Кашлык] оставиша пуст» (ст. 107).

Вскоре после выступления отряда в обратный путь, не позднее конца сентября, в Сибирь-град прибыло 100 служилых людей под командой Ивана Мансурова, посланных на помощь Ермаку. В Кашлыке они никого не застали. При попытке возвратиться из Сибири путем своих предшественников — вниз по Оби и далее «через Камень» — служилые люди были вынуждены из-за «смерзения льда» поставить «град над Обью против устья реки» Иртыша и в нем «седоша зимовати». Это был первый в Сибирском ханстве «городок» государевых служилых людей, впоследствии, до 1594 г., использовавшийся как охранная таможенная застава. Выдержав здесь осаду «от множества остяков», люди Ивана Мансурова летом 1586 г. возвратились из Сибири.

Если отряды С. Болховского и И. Мансурова были, по существу, направлены в помощь Ермаку, то третий отряд, прибывший весной 1586 г. и состоявший из 300 человек под руководством воевод Василия Сукина и Ивана Мясного, привез с собой «письменного голову Данилу Чулкова» «для заведения дел» на месте. Экспедиция, судя по ее результатам, была тщательно подготовлена и экипирована. Для утверждения в Сибири власти московского правительства она должна была основать первый сибирский правительственный острог и русский город.

Нам представляется, что данная в статье хронология событий поможет разъяснению многих фактов и устранению ряда противоречий, которые существуют в исторической литературе до настоящего времени⁴⁶.

Длительное время в исторической литературе предметом обсуждения являлся вопрос о взаимоотношениях Строгановых и Ивана IV с Ермаком. Нам кажется, что этот вопрос должен считаться решенным в том смысле, что Ермак был направлен в поход Строгановыми и лишь через последних установил связь с Иваном IV. Отчетливее вырисовывается и подготовка к походу в Сибирь: тщательно подобранная дружина не являлась скоплением волжских беглецов, укrywшихся на Каме от «государевых служилых людей», а самый поход не был случайным набегом, во время которого казаки якобы многократно теряли направление, случайно поднимались вверх по Сылве и направлялись в верховья Тавды, по какому-то наитию писали письмо Ивану IV и т. д. Казачья масса сыграла активную роль в завоевании Сибири. В сибирском походе Ермак, атаман казачьей вольницы, проявил выдающиеся организаторские способности, проницательность, силу воли и твердость в достижении цели.

⁴⁶ Так, в «Очерках истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в.» указывается, что поход начался в 1582 г. (стр. 694), а погиб Ермак в августе 1585 г. (стр. 695). В Большой Советской Энциклопедии (т. 50, «СССР». М. 1957, стр. 152) отмечается, что «военная экспедиция Ермака» происходила в 1581—1584 гг., а погиб он в августе 1584 года. (БСЭ, т. 15. М. 1952, стр. 529). В учебнике «История СССР» (т. I. М. 1956) указывается, что «в 1581 г. за Урал отправилась экспедиция казаков под начальством Ермака» (стр. 260).